

БЕГУЩАЯ С ВОЛКАМИ

ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Два года в списке бестселлеров «*Нью-Йорк таймс*».
Продано свыше миллиона экземпляров.

В каждой женщине живет могучая сила, исполненная добрых инстинктов, страстного творческого порыва и извечной мудрости. Имя ей — Первозданная Женщина, Дикая Женщина; это Она представляет инстинктивную природу женщин. Доктор Эстес излагает в своей книге богатейшие интеркультурные мифы, сказки, предания — многие из них взяты из ее собственной семейной сокровищницы; она помогает женщинам восстановить связь с активными, здоровыми, провидческими силами инстинктивной природы. Читая сказки и комментарии к ним в этой замечательной книге, мы вновь обретаем, изучаем, любим и понимаем Дикую Женщину и сверяем по Ней самые сокровенные душевные глубины, ибо Она — волшебна и целительна. Доктор Эстес создала новый словарь для описания женской души. Это женская психология в ее истинном смысле: знание души, изобильное и плодотворное.

Эта книга напоминает нам, что мы суть природа, из которой произошла вся наша премудрость, что мы по-прежнему остаемся дикими и что возвращение этой жизненной силы позволит нам найти свое подлинное место в мире.

Томас Мур, автор книги «*Care of the Soul*»

Вдохновляющая книга, «витамины для души», необходимые женщинам, отрезанным от собственной инстинктивной природы.

«Сан-Франциско Кроникл»

В высшей степени духовная книга... Автор приветствует все крепкое, упрямое, неукротимое в женщинах. Она возвеличивает женскую душу.

«Вашингтон Пост Бук Уорлд»

WOMEN WHO RUN WITH THE WOLVES

*Myths and Stories
of the Wild Woman Archetype*

Clarissa Pinkola Estés, Ph.D.

BALLANTINE BOOKS • NEW YORK

БЕГУЩАЯ С ВОЛКАМИ

ЖЕНСКИЙ
АРХЕТИП
В МИФАХ
И СКАЗАНИЯХ

Кларисса Пинкола Эстес

УДК 159.964

ББК 88

Э87

Перевод с английского Т. Науменко

Эстес Кларисса Пинкола

Э87 Бегущая с волками: Женский архетип в мифах и сказаниях / Перев. с англ. — М.: ООО Книжное издательство «София», 2016. — 448 с.

ISBN 978-5-906686-30-5

Переведенная более чем на двадцать пять языков книга Клариссы Эстес уже несколько лет занимает одно из первых мест в мировом книжном рейтинге.

Эта книга о женском архетипе на самом деле универсальна. Замените понятие «Первозданная Женщина» на «Первозданный Мужчина» — и вы увидите, что польза, которую принесет эта книга вашей душе, не имеет половой принадлежности.

Внутри каждой женщины живет первозданное, естественное существо, полное добрых инстинктов, сострадательной созидательности и извечной мудрости. Но это существо — Дикая Женщина — находится на грани вымирания. «Цивилизующее» влияние общества, к сожалению, подавляет в ребенке все «дикое», то есть естественное.

Кларисса Эстес, более двадцати лет практикующая и преподающая психоанализ Юнга и исследующая мифы разных культур, показывает, как можно возродить исконный Дух женщины посредством «психоархеологических раскопок» в области женского бессознательного. Здоровая, инстинктивная, ясновидящая, исцеляющая архетипическая Дикая Женщина живет полнокровной жизнью в древних мифах и сказках. Но она может снова проявиться в душе каждой женщины в условиях современного мира.

УДК 159.964

ББК 88

Copyright © 1992, 1995 by Clarissa Pinkola Estes, Ph. D.

Все права зарезервированы, включая право на полное или частичное воспроизведение в какой бы то ни было форме.

ISBN 978-5-906686-30-5

© ООО Книжное издательство «София», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Введение	8
Песнь над костями	8
Глава 1. Вой: возрождение Дикой Женщины.	27
Глава 2. Выследить захватчика: первая инициация	38
Глава 3. Разнюхать факты: возвращение интуиции как инициация	68
Глава 4. Пара: союз с другим	103
Глава 5. Охота: когда сердце — одинокий охотник	116
Глава 6. Найти свою стаю: принадлежность как благодать	147
Глава 7. Счастливое тело: дикая плоть	176
Глава 8. Самосохранение: как обнаружить капканы, ловушки и яд в приманке	190
Глава 9. Чувство дома: возврат к себе	227
Глава 10. Чистая вода: пища для творческой жизни	264
Глава 11. Жар: вернуть священную чувственность	296
Глава 12. Пометить территорию: границы ярости и прощения.	306
Глава 13. Боевые шрамы: членство в клане раненых	329
Глава 14. La selva subterranea: посвящение в подземном лесу	340
Глава 15. Выслеживание: santo hondo, глубинная песнь	398
Глава 16. Волчья ресница	403
Послесловие. Сказка как лекарство	406
Об авторе.	412
Приложение	413
Примечания	418

A kedves szüleimnek
Maria es Jozsef,
Mary and Joseph,
Szeretlek benneteket
у
Para todos los que yo amo
que continuan desaparecidos*.

* Дорогим родителям, Марии и Йозефу, Мэри и Джозефу, с глубокой любовью (*венг.*) и всем тем, кого я люблю, кто продолжает исчезать (*исп.*). (Кроме случаев, означенных как примечания редактора, здесь и далее — примечания переводчика. — *Прим. ред.*)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Все мы тоскуем по первозданному. Культура предлагает не слишком большой выбор противоядий от этой тоски. Нас научили стыдиться таких влечений. Мы отпустили длинные волосы и привыкли скрывать под ними свои чувства. Но днем и ночью за нашей спиной таится тень Первозданной Дикой Женщины. Где бы мы ни ступали, эта тень крадется следом и — определенно — опирается на четыре лапы.

*Д-р философии Кларисса Пинкола ЭСТЕС,
Чейенн, Вайоминг*

ВВЕДЕНИЕ

ПЕСНЬ НАД КОСТЯМИ

Первозданная природа и Первозданная Женщина* — два вида, которым угрожает полное исчезновение.

На протяжении длительного времени женская инстинктивная природа подвергалась гонению, грабежу и злоупотреблениям. Подобно любой дикой природе, она всегда страдала от неразумного обращения. Оглядываясь в прошлое, можно заметить, что в течение нескольких тысяч лет ей отводился самый низменный уровень души. В ходе истории духовные земли Первозданной Женщины опустошались и выжигались, ее убежища сносились бульдозерами, а естественные циклы превращались в искусственные ритмы ради ублажения других.

Потеря нами чувства собственной первозданности совсем не случайно совпадает по времени с исчезновением девственной природы на планете. Не так уж трудно понять, почему и древние леса, и дряхлые женщины считаются не самыми важными ресурсами человечества. Это вовсе не тайна. Нельзя также объяснить случайным совпадением то, что волки, койоты, медведи и диковатые женщины в чем-то схожи между собой: в человеческом представлении их связывают общие инстинктуальные архетипы, в силу которых за ними утвердилась репутация — несправедливая — безжалостных, изначально и чрезвычайно опасных и алчных существ.

Моя жизнь и деятельность в качестве психоаналитика-юнгянца, поэта и *cantadora* (сказительницы древних преданий) научили и убедили меня, что угасающую женскую жизненную силу можно возродить посредством активных «психоархеологических» раскопок в руинах потаенного мира женщины. Благодаря этим методам становится возможным восстановить повадки естественной, инстинктивной души, а через ее олицетворение в архетипе Первозданной Женщины мы сможем постичь разнообразные проявления глубочайшей женской природы. Сфера деятельности современной женщины огромна и расплывчата: ей приходится быть чем угодно для кого угодно. А древнее знание так и остается не востребуемым.

Название этой книги: «Бегущая с волками: женский архетип в мифах и сказаниях» возникло в результате изучения биологии дикой фауны и, в частности, волков. Исследования, посвященные волкам видов *Canis lupus* и *Canis*

* В оригинале — Wild Woman. Как следует из концепции автора, это не только и не столько Дикая, сколько Первая, Первозданная, не искалеченная цивилизацией Женщина. В дальнейшем эти термины используются как синонимы, в соответствии с нюансами контекста. — Прим. ред.

rufus, перекликаются с историей женщин, с тайнами их самоотверженности и их страданий.

Здоровые волчицы и женщины обладают определенными общими психическими особенностями — острой чувствительностью, игривостью нрава и глубокой преданностью. Женщины и волчицы родственны по своей природе: они пытливы, наделены огромной выносливостью и физической силой. Им свойственны глубокая интуиция, тщательная забота о потомстве, о своем супруге и о сообществе в целом. Они искусно приспособляются к непрерывно меняющимся обстоятельствам, бывают неистовы в своей верности и необычайно отважны.

Однако и те, и другие всегда подвергались травле, притеснениям и лживым обвинениям в ненасытности, неискренности и чрезмерной агрессивности; считалось, что они менее достойны, чем их гонители. Они превратились в объекты охоты для тех, кто мечтает очистить не только лесные чащи, но и дикие уголки души — истребить инстинктивное так, чтобы от него не осталось и следа. Хищническое отношение невежд к волкам и к женщинам поразительно похоже в своих проявлениях.

Именно при изучении волков у меня и возникли первые представления об архетипе Первой Женщины. Я исследовала не только этих животных, но и медведей, слонов и даже «птиц души» — бабочек. Особенности каждого вида предлагают обильные намеки на известные черты женской инстинктивной души.

Мой дух был пропитан дикостью вдвойне: от родителей я унаследовала страстную мексикано-испанскую кровь, а потом меня удочерило семейство горячих, вспыльчивых венгров. Я выросла у границ штата Мичиган, среди лесов, садов и крестьянских полей на берегах Великих Озер. Главное мое питание составляли громы и молнии. По ночам вокруг поскрипывали и переговаривались кукурузные стебли. Вдалеке, на севере, в лунные ночи собирались на полянах, танцевали и зывали к Небесам волки. И все мы без страха пили из одного ручья.

Хотя в те времена я еще не называла Ее так, моя любовь к Первозданной Женщине возникла уже в самом раннем детстве. Эстетика была мне ближе, чем атлетика*, она и определила единственное мое желание: оставаться восторженным странником. Стульям и столам я предпочитала землю, деревья и пещеры — я чувствовала, что именно в этих местах могу прижаться к щеке Господа.

Реки всегда просили навещать их после наступления темноты, в поля обязательно нужно было приходиться, чтобы им было кому шелестеть свои рассказы. Лесной костер должен был разводиться только в темноте, а сказки должны были рассказываться только вдалеке от ушей взрослых.

Мне очень повезло: я выросла среди Природы. Вспышки молний поведали мне о внезапности смерти и мимолетности жизни. Мышиные выводы под-

* Игра слов — аллюзия на истоки «Классического образования», восходящие к Древней Греции. — Прим. ред.

сказывали, что новая жизнь смягчает утрату. Выкапывая из глины окаменелые трилобиты, так называемые «индейские бусы», я поняла, что люди живут здесь уже очень давно. Я училась священному искусству украшения себя: на мою голову опускались бабочки-данаиды, светляки служили вечерними драгоценностями, а изумрудно-зеленых лягушек я носила вместо браслетов.

Волчица-мать убила своего смертельно раненого детеныша, и это научило меня жестокому состраданию и неизбежности прихода смерти к умирающему. Пушистые гусеницы срывались с ветвей и возвращались наверх, преподавая мне уроки целеустремленности. Их щекочущие прикосновения к руке убеждали, что кожа тоже полна жизни. Умение забираться на самые верхушки деревьев позволило получить первые представления о тех переживаниях, которые впоследствии принесет секс.

Мое поколение росло после Второй мировой войны, во времена, когда женщин задерживали на младенческой стадии развития и считали личной собственностью. К ним относились как к ухоженным огородам... К счастью, ветер неизменно заносит туда семена дикорастущих трав. Хотя то, что писали эти женщины, оставалось без внимания, они продолжали с увлечением работать. Несмотря на отсутствие признания, написанные ими картины становились пищей для души. Женщинам приходилось вымалывать необходимые для творчества инструменты и помещения, а если надеяться было не на что, они превращали в студии деревья и пещеры, заросли и чуланы.

Танцы если и допускались, то редко, поэтому женщины танцевали в лесу, где никто не мог их видеть, а также в подвалах или по пути к мусорному баку. Украшения сразу же становились поводом для подозрений. Полное радости тело, как и веселое платье, повышало угрозу сексуального оскорбления или насилия. Даже одежду нельзя было назвать своей собственностью.

Это было время, когда измывавшихся над своими детьми родителей называли просто «строгими», когда душевные терзания женщин, переносивших смертельные оскорбления, именовались «нервными расстройствами», когда «приличными» считались женщины и девушки, туго перетянутые корсетами, крепкой уздой и плотным намордником, а «распутницами» — те, кому удавалось хотя бы на мгновение выскользнуть из ошейника.

Подобно множеству женщин до и после меня, я тоже вела фальшивую жизнь переодетого существа. Как и все мои сестры, я чинно балансировала на каблуках, а в церковь надевала платье и шляпку. И все же мой легендарный хвост нередко высывался из-под подола, а уши так прядали, что шляпка в лучшем случае сползала на глаза, но случалось — и отлетала в угол комнаты.

Я не забыла песню той мрачной поры, *hambre del alma*, песню исстрадавшегося сердца. Но не забыла я и радостную *canto hondo*, тайную песнь, слова которой снова и снова приходят к нам, когда мы трудимся над возрождением души.

Как лесная тропинка внезапно становится почти незаметной и вскоре исчезает бесследно, так слишком рано исчерпывается традиционная психологическая теория для творчески одаренной и глубоко мыслящей женщины. Чаще всего эта теория либо касается слишком бегло, либо вообще обходит

молчанием глубинные, важные для женщины вопросы: об архетипическом, интуитивном, сексуальном и цикличном, о возрастах женщины, о ее образе действий и принципах понимания, о ее творческом пламени. Именно эти вопросы заставляли меня в продолжение двадцати лет посвящать большую часть времени архетипу Дикой Женщины.

С возникающими у женщин проблемами души нельзя разобраться, вписав их, женщин, в некую приемлемую для бессознательной культуры форму; нельзя их втиснуть и в интеллектуальные представления тех, кто претендует на звание единственных наделенных сознанием существ. Увы, именно такие попытки превращали в изгоев тех женщин, которые начинали свою жизнь как сильные и естественные личности. Целью же, напротив, должна стать помощь в восстановлении очаровательного и естественного психического облика женщины.

Источниками понимания становятся сказки, мифы и легенды. Они обостряют наше зрение до такой степени, что мы можем увидеть путь, оставленный первозданной природой, и направиться по нему. Сохранившиеся в этих историях указания подтверждают, что путь не исчез, что он по-прежнему ведет женщину все дальше и глубже — к самопостижению. Следы, по которым все мы пойдем, оставлены архетипом Первозданной Женщины, врожденного инстинктивного «Я».

Я называю этот архетип «Первозданной Женщиной», так как именно эти слова: *первозданность* и *женщина* образуют *llamar o tocar a la puerta* — сказочный стук в дверь глубокой женской души. В буквальном смысле выражение «*llamar o tocar a puerta*» означает «играть на инструменте имени, чтобы распахнулась дверь», то есть пользоваться теми словами, которые действуют как заклинание, как открывающий ключ. К какой бы культуре ни принадлежала женщина, сочетание слов «первозданная, дикая» и «женщина» ей интуитивно понятно.

Когда женщина слышит эти слова, старинная, древняя память просыпается в ней и возвращается к жизни. Это — воспоминание о нашем полном, неоспоримом и окончательном родстве с первобытной женственностью; эта связь могла уже давно стать совершенно непонятной, призрачной от забвения, могла быть погребена под толщей домашнего быта, объявлена вне закона окружающей культурой. Мы могли позабыть Ее имена, мы можем не откликаться на Ее зов, но мы помним Ее всем телом и тоскуем по Ней, мы знаем, что Она принадлежит нам, а мы — Ей.

Именно в этой основополагающей, стихийной и важнейшей форме взаимоотношений мы родились, именно от нее произошла наша сущность. Во чреве архетипа Первозданной Женщины кроются начала определяемого по женской линии бытия. Временами мы ощущаем это, и даже мимолетное чувство заставляет нас сходить с ума от желания его возродить. У некоторых женщин этот животворный «привкус дикости» возникает во время беременности, при кормлении младенца, при изменениях в себе самой в процессе воспитания ребенка или при возникновении таких любовных отношений, которые похожи на посещения любимого сада.

Ощутить Ее можно и в видениях, и в зрелищах невероятной красоты. Я чувствовала Ее, когда наблюдала за солнцем в те минуты, которые у нас в лесных краях называют «закатом Господа Иисуса». Я ощущала, как Она шевелится во мне, когда усталые рыбаки с фонариками в руках возвращались в сумерках с озера или когда мое новорожденное дитя поджимало пальчики на ногах, и эти пальчики похожи были на ряды зернышек сладкой кукурузы. Мы видим Ее там, где встречаем, то есть повсюду.

Она является к нам и в звуках: в музыке, от которой что-то дрожит в груди и учащается сердцебиение, в барабанном бое, свисте, звоне и крике. Она приходит в записанном или произнесенном слове — временами подобное слово, фраза, стихотворная строфа или история становятся такими звучными, такими *подлинными*, что заставляют нас хотя бы на мгновение вспомнить, из чего мы созданы на самом деле и где наш настоящий дом.

Такие внезапные «ощущения дикости» возникают в таинстве вдохновения: ах, вот оно! — и уже ушло... Стремление к Ней появляется, когда знакомишься с человеком, которому удалось сохранить эту связь с первозданным. Такое желание приходит, когда осознаешь, что уже слишком мало времени осталось для мистического священнодействия и для грез, слишком мало для собственной творческой жизни, для важнейших занятий или для настоящей любви.

Но именно эти мимолетные ощущения, проходящие и через красоту, и через потери, оставляют в нас такое опустошение, такую взволнованность и тоску, что рано или поздно мы пускаемся в погоню за своей первозданной природой: уходим в леса и пустыни, бросаемся в сугробы и катаемся в снегу. Мы обшариваем взглядом Землю, наш слух обостряется, и мы ищем внизу и сверху — ищем какого-нибудь намека, следа, знака того, что Она еще жива и что у нас есть надежда. Когда же женщина находит Ее следы, она чаще всего бросается в отчаянную погоню, сметает все со стола, отбрасывает любые взаимоотношения, освобождает свой разум, становится чистой страницей, настаивает на разрыве, нарушает все правила, заставляет мир остановиться — ибо без Первозданности мы уже не в состоянии двигаться дальше.

Когда женщина потеряла Ее, а затем вновь обрела, ей необходимо любой ценой сохранить эту связь. Получив свою находку, она изо всех сил будет бороться за ее сохранение, так как вместе с ней расцветает творческая жизнь, все взаимоотношения обретают и содержание, и глубину, и здравый смысл, утверждается цикличность сексуальности, творчества, работы и досуга; женщина перестает быть объектом хищнического интереса, а законы природы наделяют ее равным правом на развитие и успех. Наконец-то ее усталость в конце дня становится следствием радостных занятий и свершений, а не замкнутости в мелочных размышлениях, мелочной работе или постылых связях. Она инстинктивно понимает, когда приходит время разрушать и созидать, как нужно уходить и как оставаться.

Укрепляя свои взаимоотношения с первозданной природой, женщина получает в дар извечного внутреннего наблюдателя, мудреца, мечтателя, провидца, художника, виртуоза интуиции, созидателя, творца, изобретателя и

слушателя, который направляет, дает советы и способствует кипучей жизни во внутреннем и внешнем мирах. Когда женщина соприкасается с Первозданностью, это становится видимым, словно свечение изнутри. Теперь, независимо от обстоятельств, ее внешнюю и внутреннюю жизнь поддерживает этот первозданный учитель, первозданная мать, первозданный наставник.

Таким образом, слово «дикий» используется здесь отнюдь не в современном уничижительном значении «неподконтрольный», но в исходном смысле, то есть как указание на естественный образ жизни, при котором *criatura*, существо, обладает врожденной целостностью и здоровыми рамками. Слова «дикость» и «женщина» заставляют женщину вспомнить, кто она и чем занята. Они представляют собой метафору для описания той силы, которая переполняет всех женщин. Они олицетворяют то, без чего женщина не может жить.

Архетип Первозданной Женщины можно описать и другими, не менее подходящими словами. Эту могущественную психическую сущность называют инстинктивной природой, однако Первозданная Женщина выходит за рамки подобного определения. Ее можно назвать естественной душой, но это название тоже не вмещает в себя архетип Первозданной Женщины. Ее именуют врожденной, основополагающей природой женщины, называют подлинной, неотъемлемой ее сущностью. Поэты говорят о «Другой», о «семи океанах вселенной», о «далеких лесах» или о «Подруге»^{1*}. В разнообразных мировоззрениях и направлениях психологии ее называют Оно^{**}, «Я», «срединной природой», а в биологии — природой типичной, или фундаментальной.

А из-за того, что она безмолвна, наделена даром предвидения и инстинктивна, *cantadoras* называют ее мудрой или знающей природой. Иногда говорят о «женщине, живущей на краю времени» или «на краю света». Эта *criatura* — и сотворившая мир ведьма, и богиня смерти, и дева, спустившаяся в преисподнюю; но она может явиться и во множестве других обликов. Она и друг, и мать для всех заблудших, нуждающихся в обучении, мучающихся загадками, уходящих в леса и пустыни ради поисков и скитаний.

В действительности Первозданная Женщина так безгранична, что в психоидном бессознательном — на том уровне, откуда она исходит, — остается безымянной. Однако порождая все важнейшие оттенки женственности, здесь, на Земле Первозданная Женщина награждается множеством имен, и это делается не только для того, чтобы охватить миллиарды аспектов ее природы, но и для того, чтобы удержать ее сущность. Ведь в самом начале наших попыток возродить связь с нею она может в один миг обернуться дымкой, и поэтому, присваивая ей имена, мы создаем внутри себя необходимое пространство мыслей и чувств. Тогда, появившись, она сможет задержаться — если мы ее оценим.

Поэтому по-испански я называю ее *Rio Abajo Rio* — «река под рекой», *La Mujer Grande* — «Великая Женщина», *Luz del abismo* — «свет из бездны».

* См. с. 418 («Примечания»). — Прим. ред.

** Id (лат.) в терминологии Фрейда. — Прим. ред.

В Мексике она — *La Loba* (женщина-волчица) и *La Huesera* (костяная женщина).

По-венгерски ее называют *O Erdoben** («Та, что в лесах») и *Rozsomak* (Росомаха). У индейцев навахо она носит имя *Na'ashje'ii Asdzaa*, Женщина-паук, сплетающая судьбы людей и животных, растений и камней. В Гватемале помимо прочих имен используются *Humana del Niebla*, «Существо из Тумана», Женщина, живущая вечно. Японцы называют ее *Аматэрасу Омиками*, «Таинственные Высшие Силы», порождающие всякий свет и всякое сознание. В Тибете говорят о *Дакини*, танцующей силе, ясно различимой во всех женщинах. Имена неисчислимы. Она бесконечна.

Постижение природы этой Первозданной Женщины — не религия, а практика. Это психология, изучение души в самом подлинном смысле слова: *psyche* — «душа»; *logia*, или *logos*, — «постижение». Без этого знания женщина лишена ушей, которые позволяют вслушиваться в шепот собственного сердца, замечать звоны своих внутренних ритмов. Без него глаза женщины словно прикрыты чьей-то призрачной рукой, и большая часть ее жизни проходит в полупарализующей скуке или прихотливых грезах. Без него женская душа утрачивает прочную опору. Без него женщина забывает, зачем она здесь, цепляется, когда лучше отпустить; берет слишком много, слишком мало или вообще ничего. Без него она молчит, когда душа пылает. Дикая Женщина жизненно необходима женской душе, она — ее сердце, подобное настоящему сердцу, жизненно необходимому для физического тела.

Утрачивая связь с этой инстинктивной душой, мы живем только наполовину, и образы и силы, естественные для женщины, не получают полного развития. Отрезанная от своего главного источника, женщина приобретает стерильную благопристойность, но утрачивает свои инстинкты и природные жизненные циклы, попадает под власть общества, интеллекта и эго — собственных или чужих.

Первозданная Женщина — здоровье всех женщин. Без нее женская психология лишается смысла. Эта дикарка — прототип женственности; она не зависит ни от культуры, ни от эпохи, ни от общественного устройства. Меняются ее циклы, ее символы и олицетворения, неизменна лишь сущность: *Она*. Она — то, что она есть. Она сохраняет свою целостность.

Она — энергия, которая протекает через женщин. Если их притесняют, она устремляется вверх. Если женщины свободны, она тоже свободна. К счастью, сколько бы ее ни подавляли — она снова вырывается на волю, сколько бы ни запрещали, угнетали, пресекали, ослабляли, мучили, обзывали ненадежной, опасной, безумной, каким бы еще унижениям ни подвергали, — она всегда пробивается на поверхность; даже самая кроткая, самая сдержанная женщина таит в себе сокровенный уголок для Первозданной Женщины. И у самой угнетенной женщины есть своя тайная жизнь, и ей присущи тайные мысли и тайные чувства, дикие и буйные — то есть естественные. Даже самая

* По техническим причинам (компьютерный набор) диакритические знаки в данном издании отсутствуют. Приносим извинения читателю. — *Прим. ред.*

порабощенная и загнанная в угол женщина оберегает обитель своей дикой самости, ибо интуитивно знает, что однажды возникнет лазейка, отверстие, шанс — и она бросится наутек.

Я уверена в том, что все люди, женщины и мужчины, рождаются одаренными. Однако поистине мало было сказано о психологической жизни одаренных, талантливых, творческих женщин — и, напротив, очень много написано о слабостях и уязвимых местах человека в целом и женщин в частности. Что касается архетипа Первозданной Женщины, то для того, чтобы постичь его, оценить по достоинству и воспользоваться его дарами, нам следует внимательнее всего отнестись к тем мыслям, чувствам и свершениям, которые придают женщинам силы, а также правильно учесть ослабляющие женщину внутренние и культурные факторы.

В целом можно сказать, что когда мы постигнем первозданность как независимое бытие, как то, что одушевляет и пронизывает глубочайшую жизнь женщины, перед нами откроются пути, которые прежде невозможно было вообразить. Психология, не способная обратиться к этой врожденной духовной сущности в самой сердцевине женской души, не оправдывает надежд женщин, ни их дочерей, ни дочерей их дочерей, ни всех прочих потомков по женской линии.

Итак, чтобы найти подходящее лекарство для искалеченных участков первозданной души и установить отношения с Первозданной Женщиной, необходимо точно назвать подобные душевные расстройства. Моя клиническая профессия располагает прекрасными, опирающимися на статистику диагностическими пособиями и огромным количеством дифференцированных диагнозов; она использует также психоаналитические параметры, определяющие психопатию по организации (или ее отсутствию) объективной психики, а также по оси «Эго-Самость»², однако существуют и иные определяющие формы поведения и ощущений, чрезвычайно убедительно, с точки зрения женщин, описывающие сущность вопроса.

Как выглядят окрашенные ощущениями симптомы нарушенных взаимоотношений с этой первозданной силой души? Ниже описаны те признаки мышления, чувств и действий, которые указывают на серьезные нарушения или полную потерю связи с глубинной, инстинктивной душой. Если пользоваться сугубо женским языком, то это звучит так: я ощущаю себя чрезвычайно истощенной, утомленной, неустойчивой, подавленной, растерянной, заезженной, загнанной, бесчувственной. Я ощущаю себя испуганной, хрупкой, слабой; виноватой, вечно сердитой или раздраженной; бездушной, никчемной, увязшей, зажатой, помешанной; не чувствую ни вдохновения, ни воодушевления, ни смысла.

Ощущаю себя бессильной, постоянно сомневающейся, колеблющейся, зашедшей в тупик, неспособной пробиться; чувствую, что отдаю все свои творческие силы другим, выбираю таких мужчин, работу или друзей, которые высасывают из меня все соки; страдаю от разрушения собственных жизненных циклов. Ощущаю, что слишком закрыта, инертна, неуверенна, нерешительна, неспособна управлять собой или ставить пределы.

Не умею держать собственный темп, страдаю от застенчивости, отдаляюсь от своего Бога (или Богов), не нахожу пути к собственному возрождению, глубоко погрязла в быту, в интеллектуальных дебрях, работе или инерции, — поскольку это самые безопасные места для того, кто утратил инстинкты.

Боюсь рискнуть быть собой или раскрыть себя, боюсь искать наставника, мать, отца, боюсь обнародовать свое несовершенно произведение, пока оно не стало шедевром, боюсь отправиться в путь, боюсь любить другого или других, боюсь, что кто-то свалится мне на голову или исчезнет неизвестно куда; трепещу перед властью имущими, испытываю упадок сил перед началом творческого проекта, унижение, тоску, оцепенение, тревогу.

Боюсь дать сдачи, когда не остается другого выхода, боюсь испытать новое, боюсь встать в полный рост, боюсь высказаться, выступить против; испытываю боль в животе, тошноту, изжогу, резь под ложечкой, удушье, склонна слишком легко сдаваться или уступать, мстительна.

Боюсь остановки, боюсь действия, привыкла неоднократно считать до трех и так и не начинать; страдаю сомнением, раздвоением чувств — и в то же время имею все способности и возможности для того, чтобы действовать.

Все эти недостатки не являются болезнью какой-то одной эпохи или столетия — они превратились в эпидемию, которая поражает женщин в любое время и в любом месте, где их притесняют, где их дикая природа оказалась в западне.

Здоровая женщина во многом похожа на волчицу: она крепка, бодра, полна жизни и энергии, знает свою территорию, изобретательна, верна, подвижна. А разобщение со своей дикой природой ведет к тому, что личность женщины обедняется, становится слабой, вялой, призрачной. Мы не для того приходим в этот мир, чтобы прожить свой век тщедушными созданиями с жалкой прической, неспособными к прыжку и погоне, к деторождению, к сотворению жизни. Если жизнь женщины пришла в упадок или прокисла от скуки, значит, Дикой Женщине настала пора появиться, творческой силе души — переполнить русло.

Какое влияние оказывает на нас Первозданная Женщина? Когда она становится союзницей, лидером, образцом, учителем, мы начинаем видеть не парой глаз, а многоокой интуицией. Усиливая интуицию, мы становимся похожи на звездную ночь и взираем на мир тысячью глаз.

Первозданная Женщина приносит нам целый мешок с лекарствами, Она держит при себе все, что может понадобиться женщине, все, что женщина должна знать. У Нее есть снадобья от любых болезней. Она наполнена историями и сновидениями, словами и песнями, знаками и символами. Она — одновременно и средство передвижения, и место назначения.

Воссоединиться с инстинктивной природой не означает полностью переделать себя, заменить левое на правое, черное на белое, переместить запад на восток, сделаться безумной или необузданной. Это не означает, что женщина полностью отбрасывает свою принадлежность социуму или становится менее человеческой. Нет, совсем наоборот: первозданная природа вносит в жизнь женщины подлинную целостность.

Что это такое? Это умение определить свою территорию, найти свою стаю, пребывать в своем теле с полным пониманием его и с гордостью, независимо от его совершенств и ограничений; это способность действовать и высказываться от своего имени, сохранять бдительность и внимательность, прибегать к врожденным женским силам интуиции и чуткости, достичь гармонии своих циклов, найти то, что принадлежит женщине по праву, развиваться с достоинством и добиться максимальной осознанности.

Архетип Первозданной Женщины — и все, что с ним связано, — всегда был покровителем художников, писателей, скульпторов, танцоров, мыслителей, духовных деятелей, тех, кто ищет и находит, ибо все они посвящают себя творчеству, то есть главному занятию инстинктивных натур. В любых искусствах Она занимает место в сердце, а не в голове. Она умеет выслеживать и преследовать, призывать и отталкивать. Она способна чувствовать, маскироваться и глубоко любить. Она интуитивна, символична и нормативна. Она необычайно важна для умственного и душевного здоровья женщины.

Кто же Она, Первозданная Женщина? С позиции архетипической психологии*, а также с точки зрения традиционных сказителей, она представляет собой женскую душу. И все же она — нечто большее: это источник женственности. Она — все то, что относится к инстинктам в видимом и невидимом мирах, она есть основа. Каждая из нас получает от нее некую сияющую клеточку, где содержатся все необходимые для существования инстинкты и знания.

«...Первозданная Женщина — сила Жизни-Смерти-Жизни. Это интуиция, ясновидящий, внимательный слушатель и преданный друг. Она способствует тому, чтобы человечество продолжало говорить на множестве языков и свободно владело языками сновидений, страсти и поэзии. Она перешептывается с нами в ночных снах, оставляет на грунте женской души грубую шерсть и путанные следы; это наполняет женщин страстным желанием найти ее, освободить ее, полюбить ее.

Она — это мысли, чувства, побуждения и воспоминания. Очень долгое время она оставалась утерянной, забытой. Она — источник, свет, ночь, тьма и рассвет. Она — запах ила и задних лап лисицы. Ей принадлежат птицы, рассказывающие нам разнообразные тайны. Она — тот голос, который произносит: «Сюда, иди сюда».

Именно она разражается громом от содеянной несправедливости. Она — та, кто вращается, словно огромное колесо. Она определяет цикличность. Она — та, ради поисков которой мы покидаем родной дом. Она там, где мы находим новую родину. Она — погруженный в глубину земли корень всех женщин. Она — то, что подталкивает нас вперед, когда мы считаем, что все уже сделано. Она — источник свежих мыслей и поступков. Она — тот разум, который мыслит внутри нас, тогда как мы — всего лишь мысли, возникающие в этом разуме.

* Впервые этот термин был употреблен Дж. Хиллманом.

Где ее искать? Где ощутить ее, где ее найти? Она скитается по пустыням, океанам, городам, пригородам и жилищам. Она живет среди цариц и среди нищенок, она прячется в роскошных кабинетах и заводских цехах, в тюрьмах и на уединенных горных вершинах. Она живет и в гетто, и в университетах, и на улицах. Она оставляет нам отпечатки своих следов, чтобы мы смогли примерить к ним наши ступни. И она оставляет такие следы повсюду, где есть хотя бы одна женщина, способная стать плодородной почвой.

Где живет Первозданная Женщина? На дне колодца, у истоков рек, в том эфире, который существовал прежде времени. Она живет в слезинке и в океане. Она обитает в звонком камбии растущих деревьев. Она относится и к будущему, и к началу времен. Она живет в прошлом и приходит оттуда на наш зов. Она живет в настоящем, сидит на одном из стульев за нашим столом, стоит за нами в очереди, едет впереди нас по дороге. Она в будущем, и потому движется во времени вспять, чтобы найти нас в нашем «сейчас».

Она живет в зеленом побеге, пробивающемся сквозь снег, в шелесте стеблей умирающей осенью кукурузы; она там, куда за поцелуем являются умершие и куда направляют свои молитвы живые. Она живет в стихах, барабанных ритмах и пении. Она — и в четвертной ноте, и в мелизме, и в кантате, и в сестине*, и в блюзах. Она — миг перед тем, когда на нас нисходит вдохновение. Она живет в далеком краю, врывающемся в наш мир.

Кто-то может потребовать подтверждений, доказательств ее существования. В сущности, вы требуете доказательств существования души. Поскольку мы сами — душа, то мы и есть подтверждение. Любой и каждый из нас — подтверждение не только существования Дикой Женщины, но и ее состояния в коллективном бытии. Мы — доказательство этого непостижимого женского божества. Наше и ее существование — параллельны.

Доказательство и в том, что мы ощущаем ее, внутри и снаружи. Подтверждение — тысячи и миллионы встреч, когда мы видим ее в глубинах души: в ночных снах и дневных раздумьях, в мечтах и проблесках вдохновения. Свидетельство того, что она бывает здесь, — то, что в ее отсутствие мы ощущаем себя покинутыми, скучаем и тоскуем, когда ее нет с нами»³.

Моя докторская диссертация была посвящена этно-клинической психологии, то есть исследованию и клинической психологии, и этнологии причем в последнем делается упор на изучении психологии групп, в частности, племен. После защиты докторской я написала работу по аналитической психологии и стала, таким образом, дипломированным специалистом в области юнгианского психоанализа. Мой жизненный опыт *cantadora-mesemondo*, поэтессы и художницы, также дает богатую пищу для аналитической работы.

Иногда меня просят рассказать, что я делаю в своем кабинете и как я оттуда могу помочь женщинам вернуться к их дикой природе. Основной упор я делаю на клиническую и возрастную психологию, а для лечения использую

* Итальянская литературная форма — стихотворение из шести строк, каждая из которых состоит из шести строк.

самые простые и доступные средства — сказки. Мы исследуем материал, содержащийся в сновидениях пациента, и в этом материале находим множество сюжетов и сказочных историй. Физические ощущения и телесная память пациента — это тоже сказки, которые можно читать и переводить на язык сознания.

Кроме того, я обучаю пациентов некоей разновидности мощной интерактивной практики, близкой юнгианскому методу активного воображения; она тоже порождает сказки, которые в дальнейшем помогают прояснить душевные странствия моих клиенток. Мы вызываем дикую Самость, используя специальные вопросы, исследуя сказки, легенды и мифы. В большинстве случаев нам удастся со временем отыскать направляющий миф или сказку, где содержатся все наставления, необходимые женщине в настоящее время для развития ее психики. Такие мифы и сказки включают в себя драму женской души. Это похоже на пьесу со сценическими ремарками, описаниями характеров и театральным реквизитом.

Важная часть моей работы — «рукоделие». Я стараюсь передать своим пациенткам знание, обучая их старинным ручным ремеслам, в том числе и символическому искусству изготовления талисманов, *las ofrendas* и *retablos*. Это может быть все что угодно, от простых палочек, оплетенных тесьмой, до сложной скульптуры. Искусство — важная вещь: оно знаменует времена года души либо какое-то памятное или трагическое событие в ее странствии. Искусство предназначено не только для себя, оно не только знак, отмечающий собственное понимание. Это еще и карта для тех, кто идет за нами.

Наверное, вы представляете, насколько индивидуальна работа с каждым человеком — ведь недаром говорят, что все люди разные. Но в моей работе с людьми есть постоянные факторы, которые составляют основу любой работы — и моей, и вашей. Это искусство задавать вопросы, искусство сказок, искусство рукоделия — в процессе всего этого что-то создается, и это что-то — душа. И всякий раз, когда мы питаем душу, она обязательно подрастает.

Надеюсь, вы убедитесь, что это вполне доступные способы размягчить давние шрамы, исцелить старые язвы, обрести новое видение и тем самым восстановить прежние навыки, позволяющие видеть душу без специальных ухищрений.

Сказки, которые я привожу здесь, чтобы проиллюстрировать инстинктивную природу женщины, — это иногда подлинные истории, а иногда явные литературные переложения, которые я сделала сама, используя те странные рассказы, которые поверили мне мои *tias y tios, abuelitas y abuelos**, *omahs y opahs* — старейшие члены моих семей, носители устных преданий, непрерывная нить которых уходит в глубины прошлого, едва доступные нашей памяти. Есть здесь и несколько документов, которые я сама записала, встречаясь с людьми, — некоторые из них очень давние; и все они несут в себе голос сердца. Они приведены здесь во всех бесхитростных подробностях и

* Тетушки и дядюшки, бабушки и дедушки (исп.).

первозданной целостности. Я выношу их на ваш суд с разрешения и благословения трех поныне здравствующих поколений наследственных шаманов-сказочников, которые знают искусство использования всех тонкостей для того, чтобы сказка стала средством исцеления⁴.

Кроме того, я привожу здесь некоторые вопросы, которые задаю своим пациенткам и другим людям, помогая им вспомнить себя. А еще я немного объясняю вам секреты ремесла — изысканной и прихотливой игры, позволяющей женщинам сохранять в сознательной памяти божественную сущность своего творчества. Все это помогает восстановить единство с драгоценной дикой Самостью.

Сказки — это лекарство. Они владеют мною с тех пор, как я услышала свою первую сказку. Они обладают целительной силой, не заставляя нас делать, быть, действовать — достаточно просто слушать их. В сказках содержатся средства, позволяющие исправить или возродить любую утраченную душевную пружину. Сказки рождают волнение, печаль, вопросы, стремления и понимание, которые спонтанно поднимают на поверхность нужный архетип, в нашем случае — архетип Дикой Женщины.

В сказках есть наставления, помогающие нам пробиваться через жизненные тернии. Сказки убеждают нас в том, что таящийся в глубине архетип необходимо вытащить на свет, и дают способ, как это сделать. Приведенные на последующих страницах сказки — это лишь единицы из сотен тех, с которыми я десятилетиями работала и над которыми десятилетиями размышляла, — я убеждена, что они яснее других выражают все богатство архетипа Дикой Женщины.

Иногда разные культурные наслоения изменяют костяк сказки. Например, относительно братьев Гримм (типичный пример собирателей сказок, работавших в последние столетия) возникает сильное подозрение, что источники (сказители) того времени порой «подчищали» свои сказки в угоду набожным собратям. С течением времени на старые языческие символы наложился христианские, так что древняя сказочная ведунья превратилась в злую ведьму, дух — в ангела, использовавшийся при посвящении покров или сорочка — в носовой платок, а дитя по имени Красавица (обычное имя для девочки, родившейся в праздник солнцестояния) оказалось переименованным в *Schmerzenreich* — Печальница. Детали сексуального характера опускались. Приходившие на помощь существа и животные обычно превращались в демонов и страшилищ.

Именно так были утрачены многие назидательные сказки, призванные рассказывать женщинам о половой жизни, о любви, деньгах, замужестве, деторождении, смерти и преображении. Именно так ушли в тень волшебные истории и мифы, в которых объяснялись древние женские таинства. Из большинства издаваемых ныне старых собраний волшебных сказок и мифов полностью выкорчеваны всякая скатология*, все сексуальное, порочное (даже

* Все, что имеет отношение к экспериментам, грязное.

там, где сказка учит избегать этого), все дохристианское, женское, женские Божества, инициации, лекарства от различных душевных недугов и наставления по экстатическим духовным практикам.

Но они не утрачены навсегда. В детстве мне было поведано множество неприукрашенных и неиспорченных старых сказок; не одну из них я перенесла в эту книгу. Но даже обрывки сказок в том виде, в каком они существуют сегодня, могут дать представление о подлинном сюжете. Я размышляю об этом, занимаясь работой, которую в шутку называю патологоанатомией и палеомифологией сказки, хотя на самом деле реконструкция — это процесс долгий, сложный и требующий терпеливого созерцания. По необходимости я использую различные приемы интерпретации текста, сравнение лейтмотивов, учитываю исторические и антропологические данные, новые и старые образы. Этот метод — в частности, реконструкция на основе исконных древних приемов композиции, которую я освоила за годы изучения аналитической и архетипической психологии, — позволяет сохранять и изучать все мотивы и сюжеты сказок, легенд и мифов, чтобы постичь инстинктивную жизнь людей. Я черпаю сведения в картинах, которые таятся в мирах воображения, в коллективных образах бессознательного и в тех, которые удастся обнаружить благодаря сновидениям и необычным состояниям сознания. Последние штрихи можно нанести, сравнивая матрицы сказок с археологическими находками в местах древних культур, например с глиняными ритуальными масками и фигурками. Одним словом, как говорится в сказках, я провожу много времени, разгребая носом золу.

Модели архетипа я изучаю лет двадцать пять, а мифы, сказки и фольклор национальных культур — вдвое дольше. Я очень многое узнала о структуре сказок и понимаю, где и когда в сказке недостает тех или иных «костей» этой структуры. Шли века, один народ побеждал другой, религии сменяли друг друга — иногда мирно, а иногда насильственно — и все это наслаивалось на первоначальное ядро старых сказок или изменяло его.

Но есть и добрые вести. Несмотря на всю структурную неразбериху в версиях сказок, существует прочная основа, которая ярко просвечивает и поныне. По форме и очертаниям фрагментов и обрывков можно довольно точно определить, что в сказке оказалось утраченным, и эти недостающие части можно точно восстановить — иногда попутно обнаруживаются поразительные глубинные структуры, обладающие свойством исцелять женскую печаль — следствие того, что так много женских таинств было уничтожено. Впрочем, это не совсем так. Они не уничтожены. Все, что нужно, и нужно нам всем, по-прежнему подает нам тихий голос из сюжетной структуры сказки — из ее «костяка».

Собирание сказок — это постоянные палеонтологические изыскания. Чем больше костей, тем больше вероятность, что удастся восстановить всю структуру. Чем полнее сказка, тем более тонкие изгибы и повороты души предстают перед нами, тем богаче становится возможность постичь и пробудить плоды труда своей души. Когда душа трудится, то Она, Дикая Женщина, творит и умножает себя.

Мне посчастливилось провести детство в окружении выходцев из различных старых европейских культур и Мексики. Многие члены моей семьи, мои соседи и друзья переселились из Венгрии, Германии, Румынии, Болгарии, Югославии, Польши, Чехословакии, Сербии, Хорватии, России, Литвы, а также из Халиско и Мичоакана, из Хуареса и других старых поселений, расположенных у границы Мексики со штатами Техас и Аризона. Эти люди и многие другие — американские индейцы, жители Аппалачских гор, иммигранты из Азии и американские семьи африканского происхождения, приехавшие с юга, — приходили собирать урожай, работать на фермах, в кочегарках, на сталелитейных заводах, в пивоварнях, помогать по дому. У большинства из них не было традиционного образования, однако они отличались удивительной мудростью. Они были носителями драгоценной и почти чистой устной традиции.

Многие родственники и окружавшие меня соседи прошли трудовые лагеря, лагеря для перемещенных лиц, лагеря для депортированных, концентрационные лагеря, где встречавшиеся среди них сказители пережили кошмарные варианты сказок Шехерезады. Многие потеряли родовые земли, жили в тюрьмах для иммигрантов, были принудительно репатриированы. От этих простых людей я впервые услышала сказки, которые рассказывают в ситуациях, когда жизнь в любой миг может смениться смертью, а смерть — жизнью. Послание, которое я от них получила, было настолько полно страданий и надежд, что, когда я стала достаточно взрослой и научилась читать книги, то по сравнению с услышанными напечатанные в них сказки показались мне плоскими, словно кто-то их накрахмалил и выгладил.

В молодости я перебралась на запад, к Континентальному разделу. Я жила в атмосфере взаимной любви среди евреев, ирландцев, греков, итальянцев, выходцев из Африки и Азии; все они стали для меня добрыми духами и друзьями. Мне посчастливилось узнать людей из некоторых редких и старых латиноамериканских поселений, расположенных на Юго-Западе США, таких, как Трампас, Тручас, Нью-Мехико. Мне выпала удача общаться с друзьями и родственниками из числа американских индейцев, от инуитов* на севере, через народности равнин и пуэбло** на западе, до науа, лакандонов, техуэльче, уичолей, сери, майя-киче, майя-какчикелей, мискито, кунов, наска-кечуа и хиваро в Центральной и Южной Америке.

Я обменивалась сказками с братьями и сестрами-целительницами за кухонным столом и под виноградными лозами, в курятниках и коровниках, когда лепила тортильи***, выслеживала лесную живность и вышивала миллионный по счету крестик. Мне выпала удача делиться последней миской чили****, петь вместе с негритянками такие духовные песнопения, которыми, казалось, можно мертвых воскресить, спать под звездами в домах без крыш. Я присаживалась к огню или к столу или к тому и другому в итальянских и

* Самоназвание эскимосов.

** Индейские поселения, многоквартирные дома-крепости.

*** Мексиканские кукурузные лепешки.

**** Мексиканское блюдо из мяса, тушеного с фасолью и красным перцем чили.

польских кварталах, в горных деревушках, в Лос-Барриос и в других этнических поселениях Среднего и Дальнего Запада, а не так давно обменивалась сказками про *спаратов*, злых духов, с друзьями-гриотами* на Багамах.

Мне вдвойне везло: куда бы я ни пришла, дети, матери семейств, мужчины в расцвете лет, старики и старухи — все художники души — появлялись из лесов, джунглей, лугов, песчаных холмов, чтобы попотчевать меня баснями и выдумками. И я тоже в долгу не оставалась.

К сказкам можно подходить очень по-разному. Профессиональный фольклорист, специалист в области юнгианского, фрейдовского или другого психоанализа, этнолог, антрополог, теолог, археолог — каждый из них имеет свой особый метод как сбора сказок, так и их использования. С интеллектуальной точки зрения, моя работа со сказками развивалась через изучение аналитической и архетипической психологии. Обучаясь на психоаналитика, я более пяти лет изучала развитие лейтмотивов, символику и мифологию народов мира, древнюю и популярную иконологию**, этнологию, религии народов мира и искусство истолкования.

Но интуитивно я подходила к сказкам как *cantadora*, хранительница старых историй. Я происхожу из двух древних родов сказительниц: с одной стороны — *mesemondok*, венгерские старухи, которые с одинаковой легкостью могут вести повествование хоть сидя на деревянном стуле, положив на колени пластиковую сумочку, расставив ноги и свесив юбку до земли, хоть сворачивая шею курице; с другой стороны — *cuentistas*, латиноамериканские широкобедрые старухи с тяжелой грудью, стоя рассказывающие свои сказки навзрыд в стиле *ranchera*. Оба рода рассказывают сказки просто, голосами женщин, в жизни которых были кровь и дети, хлеб и кости. Для нас сказка — лекарство, укрепляющее и исправляющее человека и общину.

Те, кто взяли на себя ответственность за это ремесло и преданы стоящим за ним божествам, являются прямыми потомками обширного и древнего сообщества святых, трубадуров, бардов, гриотов, кантадор, канторов, странствующих поэтов, бродяг, ведьм и безумцев.

Однажды мне приснилось, что я рассказываю сказки и чувствую: кто-то ободряюще похлопывает меня по ступне. Я смотрю вниз и вижу, что стою на плечах старой женщины, а она придерживает меня за лодыжки и улыбается, глядя на меня снизу.

Я говорю ей:

— Нет-нет, это вы должны стоять у меня на плечах: ведь вы старая, а я молодая.

— Нет-нет, — возражает она, — все как раз так, как положено.

* Профессиональные сказители, музыканты-певцы Западной Африки.

** Направление в искусствознании XX века, исследующее сюжеты и образительные мотивы в художественном произведении для определения его историко-культурного смысла и выраженного в нем мировоззрения.

И тут я вижу, что она стоит на плечах женщины, которая гораздо старше ее, а та — на плечах еще более старой женщины, а та — на плечах женщины в пышном одеянии, а та — на плечах еще одной души, а та — на плечах...

И я поверила той старой женщине: так положено. Моя способность рассказывать сказки питается мощью и талантом моих предшественниц. По моему опыту, самый яркий момент рассказа берет свою силу именно в этой уходящей в бесконечность колонне людей, чья связь перекрывает пространство и время, людей, которые, сообразно своему времени, живописно одеты в лохмотья, в пышные одеяния или наготу и до краев наполнены жизнью, и эта жизнь все продолжается! Если и существует единый источник сказки, Божество сказки, то им является эта длинная череда людей.

Сказка гораздо старше, чем искусство и наука психологии, и всегда будет оставаться старшим членом уравнения, сколько бы времени ни прошло. Один из древнейших способов рассказывать сказки, который меня чрезвычайно занимает, — пламенное состояние транса, когда рассказчица, «почувствовав» публику, будь это один человек или целая толпа, входит в состояние «мира между мирами», и тогда сказка «притягивается» к сказительнице и рассказывается *через* нее.

Сказительница в таком состоянии призывает *El duende*⁵, ветер, который швыряет душу в лица слушателей. Используя медитативную практику сказки, она учится поддерживать двойную психологическую связь, то есть овладевает навыком закрывать некоторые психические врата и выходы эго, чтобы дать слово голосу — тому голосу, который старше, чем камни. И тогда сказка может сделать любой поворот, может встать с ног на голову, может наполниться кашей и стать обедом для бедняка, зазвенеть золотом для любителей наживы, перенести слушателей в другой мир. Сказительница никогда не знает, чем все закончится; и это лишь половина целебной магии сказки.

Эта книга повествует о повадках архетипа Дикой Женщины. Попытаться свести ее к схеме, заключить ее душевную жизнь в таблицы — значило бы войти в противоречие с ее духом. Познавать ее — процесс; этот процесс развивается, длится всю жизнь, вот почему эта книга также развивается и длится всю мою жизнь.

В ней собраны сказки, которые можно принимать как витамины для души; здесь есть наблюдения, обрывки карты, комочки сосновой смолы — нам необходимо прикреплять к деревьям перья, которые укажут путь; есть и примятый кустарник, который приведет нас обратно в *el mundo subteraneo* — в подземный мир, дом нашей души.

Сказки приводят в движение внутреннюю жизнь, и это особенно важно, когда внутренняя жизнь запугана, стеснена или загнана в угол. Сказка смазывает петли и засовы, вызывает прилив адреналина, указывает выход — наружу, вверх, вниз или к нашей беде, прорезает прекрасные широкие двери в казалось бы ранее глухой стене, открывает пути в царство грез, к любви и знанию, назад к нашей подлинной жизни — жизни мудрой дикарки.

Сказки вроде «Синей Бороды» помогают нам догадаться, что делать с женскими ранами, которые не перестают кровоточить. Сказки вроде «Костяной

женщины» раскрывают мистическую власть любовного союза, показывают, как омертвевшее чувство может снова возродиться к жизни и глубокой любви. В образе Бабы Яги, дряхлой дикой ведьмы, можно обнаружить дары Старой Матушки Смерти. В сказке «Василиса Премудрая»⁶ куколка, указывающая путь, когда кажется, что уже все потеряно, извлекает на поверхность одно из утраченных женских инстинктивных умений. Такие сказки, как «La Loba», костяная женщина в пустыне, учат преображающей работе души. Сказка «Безрукая девица» восстанавливает утраченные стадии старых ритуалов посвящения, пришедших из древних времен, а значит, дает вневременное, постоянное руководство на весь срок жизни женщины.

Именно соседство с дикой природой заставляет нас не ограничивать свое общение людьми, не ограничивать свои самые прекрасные движения танцевальной площадкой, уши — только музыкой, издаваемой рукотворными инструментами, глаза — только «выученной» красотой, тело — привычными ощущениями, а ум — тем, с чем все мы заведомо согласны. Все эти сказки несут в себе острое интуиции, пламя страстной жизни, стремление говорить то, что знаешь, смелость не отводя взгляда выносить то, что видишь, аромат дикой души.

Это книга женских сказок, образующих вехи на пути. Они для вас — читайте их, размышляйте над ними, и они помогут вам найти дорогу к естественно добытой свободе, любви к себе, к животным, к земле, к детям, к сестрам, к возлюбленным и мужчинам. Скажу вам сразу: двери в мир Дикой Самости немногочисленны, но драгоценны. Если у вас есть глубокий шрам — это дверь, если есть старая-престарая сказка — это дверь. Если вы любите небо и воду очень сильно, почти нестерпимо — это дверь. Если вы тоскуете по лучшей жизни, полной жизни, здоровой жизни — это дверь.

Собранные в этой книге материалы призваны вселить в вас отвагу. Эта работа должна стать крепостью для тех, кто на пути, в том числе для тех, кто возделывает трудную ниву души, и для тех, кто работает в миру и для мира. Мы должны стараться дать душе возможность расти в естественном направлении, достигать своих естественных глубин. Дикая натура не требует, чтобы у женщины был какой-то определенный цвет кожи, определенное образование, определенный образ жизни или материальный уровень, но она не может цвести в атмосфере вынужденной политической благопристойности или когда ее втискивают в старые, утратившие силу парадигмы. Она расцветает в условиях свежего видения и душевной чистоты. Она расцветает в своей собственной природе.

Поэтому, кем бы вы ни были: интровертом или экстравертом, женщиной, любящей женщин, мужчин, Бога или всех сразу, обладательницей безыскусной души или амбиций амазонки, женщиной, которая старается достичь высот или просто дожить до завтра, женщиной, искрящейся весельем, или угрюмой, царственной или забитой, — Первозданная Женщина принадлежит вам. Она принадлежит всем женщинам.

Чтобы ее найти, необходимо вернуться к инстинктивной жизни, к глубочайшему женскому знанию⁷. Поэтому давайте приложим все усилия и при-

помним свое прошлое, вплоть до дикой души. Давайте песней вернем на свои кости ее плоть. Сбросим все чужие одежды, которые на нас напялили. Облачимся в свой истинный наряд — мощный инстинкт и знание. Заселим края души, давно принадлежавшие нам. Снимем повязки, приготовим лекарство. Дикие женщины, давайте вернемся прямо сейчас — крича, смеясь, воспевая Ту, Которая так нас любит.

Для нас проблема очень проста. Без нас умрет Дикая Женщина. Без Дикой Женщины умрем мы. *Para Vida*, ради Истинной Жизни должны жить и мы, и Она.

ВОЙ:
ВОЗРОЖДЕНИЕ
ДИКОЙ ЖЕНЩИНЫ

La Loba, женщина-волчица

 олжна вам признаться, что я не принадлежу к тем святым, которые удаляются в пустыню и возвращаются исполненные мудрости. Я бывала у многих очагов и разбрасывала приманку для ангелов вокруг каждой постели. Но чаще всего вместо мудрости я обнаруживала неприятные симптомы лямблиоза, *E. coli*¹, и амёбной дизентерии. Увы! Такова судьба мистиков средней руки со слабой пищеварительной системой.

Я научилась скрывать любую мудрость, любой принцип, добытые в путешествиях, ибо и теперь порой старый папаша Академ*, подобно Кроносу, не прочь сожрать детей, прежде чем они смогут начать исцелять или удивлять. Чрезмерное умствование может заслонить образы инстинктивной женской природы.

Чтобы углубить родственные отношения с этой инстинктивной природой, очень полезно понимать сказки так, будто это мы внутри них, а не они вне нас. Мы входим в сказку через дверь внутреннего слуха. Когда рассказывают сказку, звучание ее слов затрагивает слуховой нерв, который пересекает основание черепа и входит в ствол головного мозга ниже варолиева моста. Оттуда слуховые импульсы передаются наверх, в сознание, или, как утверждают некоторые, в душу — в зависимости от отношения, с которым вы слушаете.

Древние анатомы говорили, что глубоко в мозгу слуховой нерв разделяется на три или большее количество ветвей. Поэтому они предполагали, что ухо предназначено, чтобы слушать на трех разных уровнях. Одна ветвь существует, чтобы слышать заурядные мирские разговоры. Вторая ветвь воспринимает науку и искусство. А третья создана для того, чтобы сама душа, пребывая здесь, на Земле, могла слышать наставления и приобретать знание.

Так внимайте же слухом души, ибо для этого и предназначена сказка.

* В греческой мифологии афинский герой, указавший Диоскурам, где была укрыта их похищенная Тезеем сестра.

Первозданная Женщина возвращается — по косточке, по волоску. Она возвращается в снах, в наполовину понятых и полузабытых событиях. Она возвращается в сказках.

Я начала свои скитания по Соединенным Штатам в шестидесятых, стремясь обосноваться там, где растут густые деревья, где разлит аромат воды и обитают любимые мною существа: медведи, лисы, змеи, орлы, волки. В районе Великих озер волков систематически уничтожали. Куда бы я ни пришла, повсюду так или иначе шло истребление волков. Хотя многие говорили, что волки опасны, я всегда чувствовала себя спокойно, если в лесу водились волки. В те времена на Западе и на Севере можно было, заночевав под открытым небом, слушать, как горы и леса поют, поют, поют всю ночь.

Но даже там век винтовок с оптическим прицелом, джипов с прожекторами и сдобренных мышьяком угощений привел к тому, что над землей воцарился век безмолвия. Вскоре и в Скалистых горах почти не осталось волков. Вот почему я оказалась в большой пустыне, которая лежит наполовину в Мексике, наполовину в Соединенных Штатах. И чем дальше на юг я забиралась, тем чаще слышала сказки о волках.

Говорят, что есть место в пустыне, где дух женщин и дух волков встречаются по ту сторону времени. Я почувствовала, что напала на след, когда в приграничной части Техаса услышала сказку «Девушка-Loba» — про женщину, которая была волчицей, которая была женщиной. Дальше мне встретилась древняя ацтекская сказка об осиротевших близнецах, которых волчица кормила, пока они не выросли и не стали питаться самостоятельно².

И наконец, от старых испанских фермеров и обитателей пуэбло юго-западной части страны я услышала скудные сведения о костяных людях — стариках, которые оживляют мертвецов. Говорили, что они могут возвращать к жизни и людей, и животных. Затем в одной из моих собственных этнографических экспедиций я встретила костяную женщину и с той поры уже никогда не была такой, как прежде. Позвольте мне представить вам подлинный рассказ и вступление к нему.

La Loba

Есть старая женщина, обитающая в тайном месте, которое каждая из нас знает в своей душе, но мало кто видел воочию. Как и старухи из сказок Восточной Европы, она дожидается, когда к ней придет сбившийся с пути скиталец или искатель.

Она осторожна, часто волосата, всегда толста и, как правило, старается уклониться от общения. Она каркает и кудахчет — обычно издает звуки, больше похожие на звериные, чем на человеческие.

Я могла бы сказать, что она живет среди выветренных гранитных склонов индейской территории Тараумара. Или что она похоронена у

колодца на окраине Феникса. Возможно, вы увидите, как она направляется в дряхлом драндулете с простреленным задним стеклом на юг, по направлению к Монте-Альбан³. А может, кто-то заметит, как она стоит у шоссе близ Эль-Пасо или едет в кабине грузовика в Морелию, что в Мексике, или в Оахаке идет на рынок, таща на спине странную на вид вязанку хвороста. Она называет себя многими именами: *La Huesera*, Костяная Женщина; *La Trapera*, Собирательница; *La Loba*, Волчица.

Единственная работа *La Loba* — собирать кости. Она собирает и хранит главным образом то, чему угрожает опасность стать потерянными для мира. Ее пещера набита костями всевозможных пустынных тварей: оленей, гремучих змей, ворон. Но специализируется она на волках.

Она лазает, ползает, шныряет по *montañas*, горам, и *arroyos*, сухим руслам рек, в поисках волчьих костей, а когда соберет весь скелет, когда последняя косточка встанет на место и перед ней ляжет прекрасная белая скульптура зверя, она садится у огня и думает о том, какую песню спеть.

А когда решит, встает над зверем, вздымает над ним руки и заводит песню. И тогда волчьи ребра и кости лап начинают обрастать плотью, и зверь покрывается шерстью. *La Loba* продолжает песню, и зверь все больше походит на живого; его хвост загибается вверх, сильный и мохнатый.

La Loba поет дальше, и волк начинает дышать.

А *La Loba* все поет, так, что гладь пустыни сотрясается, она поет — и волк открывает глаза, вскакивает и убегает вниз по каньону.

Он бежит себе где-то, и вот то ли стремительный бег, то ли плеск реки, которую он пересекает, то ли луч солнца или луны, упавший прямо на него, внезапно превращает волка в смеющуюся женщину, которая свободно бежит к горизонту.

Так что помните: если вы оказались в пустыне, когда солнце клонится к закату, сбились с пути и, конечно, устали, то вам повезло, потому что вы можете понравиться *La Loba*, и тогда она покажет вам кое-что, имеющее отношение к душе.

Все мы начинаемся с кучки костей, затерянных где-то в пустыне, с занесенного песком, развалившегося на части скелета. И наша задача — собрать эти части. Это кропотливый труд, которым лучше заниматься при хорошем освещении, поскольку он требует большого внимания. *La Loba* показывает, что именно нам нужно искать — неразрушимую жизненную силу, кости.

Можно считать работу *La Loba* демонстрацией *uncuento milagro*, волшебной сказки: она показывает, что будет благом для души. Это сказка о воскресении, о потусторонней связи с Дикой Женщиной. Она обещает: если мы споем песню, то сможем вызвать то, что осталось в психике от перевозданной души и помочь ей снова обрести живой облик.

La Loba поет над костями, которые сама же собрала. Петь — значит использовать голос души. Это значит на одном дыхании высказать истину собственной силы и собственной нужды, вдохнуть душу в то, что болит или требует возрождения. Для этого необходимо углубляться в потаенный дух великой любви и чувства, пока вас не переполнит желание соединиться со своей дикой Самостью, а потом, укрепившись в этом состоянии, излить свою душу. Это и есть пение над костями. Мы не можем допустить ошибку, пытаюсь получить это великое чувство любви от возлюбленного, ибо этот женский труд — найти, а потом спеть гимн творения — есть работа отшельницы, работа, выполняемая в пустыне души.

Поговорим теперь о самой *La Loba*. В символическом языке души символ Старухи — один из самых широко распространенных в мире олицетворений архетипа. Есть еще Великие Мать и Отец, Божественное Дитя, Плут, Чародей(ка), Девушка и Юноша, Воительница и Дурак (Дурочка). И все же можно сказать, что образ, подобный *La Loba*, кардинально отличается от них по сути и смыслу, ибо она — символ корня, питающего всю систему инстинктов.

На юго-западе страны архетип старухи можно также истолковать как *La Que Sabe* — Та, Что Знает. Впервые я пришла к пониманию образа *La Que Sabe*, когда жила в горах Сангре-де-Кристо в штате Нью-Мексико, как раз под вершиной Лобо. Одна старая знахарка с ранчо сказала мне, что *La Que Sabe* знает про женщин все и что Она сотворила женщин из морщинки на подошве своей божественной ноги; вот почему женщины — существа знающие: ведь они сделаны из кожи ступни, которая все ощущает. В мысли, что кожа ступни очень чувствительна, присутствует истина, потому что одна вполне современная женщина из племени киче как-то сказала мне, что впервые надела обувь, когда ей было двадцать лет, и до сих пор не привыкла ходить *con los ojos vendados*, с путами на ногах.

Обитающая в природе первозданная сущность известна под многими именами и встречается у всех народов на протяжении веков. Вот несколько ее старых имен: Мать Дней — это Мать-Создательница-Богиня всех существ и свершений, в том числе Неба и Земли; Мать Никс — повелительница всего темного и грязного; Дурга — госпожа небес и ветров, а также людских мыслей, из которых возникает вся реальность; Коатликуэ, которая рождает новую вселенную, коварную и неуправляемую, и, как волчица-мать, кусает дитя за ухо, чтобы привести в чувство; Геката — старая провидица, которая «знает своих родных», от нее веет запахом перегоя и дыханием Бога. И таких имен великое множество. Это образы того, кто и что живет под горой, далеко в пустыне, глубоко в дебрях.

Как бы ни называлась эта сила, олицетворением которой является *La Loba*, она содержит сведения о прошлом — личном и древнем, ибо пережила множество поколений и стара, как мир. Она — хранительница женских намерений, женской традиции. Ее нос чует грядущее, у нее дальнзоркие белесые глаза старухи, она одновременно живет в прямом и обратном времени и, танцуя с одним направлением, корректирует другое.

Старуха — Та, Что Знает, — живет в каждой из нас. Она цветет в глубинах женской души-психики, Ее обитель — в древней и неискоренимой дикой Самости, то место во времени, где встречаются дух женщины и дух волка, то место, где сливаются ум и инстинкт, где сокровенная жизнь женщины находит ее земную жизнь. Это то место, где обмениваются поцелуями Я и Ты, где женщины, полные задора, бегают с волками.

Эта старуха стоит между рациональным миром и миром мифа. Она — ось, на которой вращаются оба эти мира. Эта страна между двух миров — то непостижимое место, которое все мы узнаем, единожды ощутив, но его подробности ускользают и облик меняется, если мы пробуем их удержать, за исключением тех случаев, когда мы обращаемся к поэзии, музыке, танцу или сказке.

Есть мнение, что иммунная система организма коренится именно в этой загадочной стране души, как и мистические и все архетипические образы и устремления, в том числе наша тяга к Богу, наша страсть к тайнам и все священные инстинкты, да и все земные тоже. Другие говорят, что и летописи человечества, корень света, клубок тьмы — там же. Это не пустота, а скорее обитель Призрачных Существ, где все уже существует и в то же время еще не существует, где тени вещественны, а вещество прозрачно.

Об этой стране можно наверное сказать одно: она стара — старше, чем океаны. Ее века не счесть, она извечна. Архетип Первозданной Женщины — основа этого слоя, исходящего из инстинктивной души. Хотя в наших снах и творческих озарениях она может принимать разные обличья, ее источник — не слой матери, девушки, зрелой женщины. И внутренним ребенком ее тоже не назовешь. Она не царица, не амазонка, не любовница, не провидица. Она — то, что она есть. Зовите ее *La Que Sabe*, Та, Что Знает; зовите ее Дикой Женщиной, зовите ее *La Loba*, зовите ее высокими именами или низкими, но-выми именами или древними — она остается тем, чем она является.

Дикая Женщина как архетип — неподражаемая и непостижимая сила, несущая человечеству богатство идей, образов и качеств. Архетип существует везде — и в то же время невидим в обычном смысле этого слова. Ведь то, что можно увидеть в темноте, не обязательно видимо при дневном свете.

Мы находим стойкие следы архетипа в образах и символах сказок, литературы, поэзии, живописи и религии. Может быть, его сияние, его голос и аромат предназначены для того, чтобы вывести нас из созерцания дерьма на собственном хвосте, чтобы мы могли иногда странствовать среди звезд.

Как пишет поэт Тони Моффейт, там, где обитает *La Loba*, материальное тело становится «лучезарным зверем»⁴, а иммунная система организма, по свидетельствам очевидцев, под влиянием сознательной мысли становится сильнее или слабее. Там, где обитает *La Loba*, духи воплощаются в образах, а *la voz mitologica*, мифологический голос сокровенной души, возглашает стихи и пророчества. Некогда умершие вещи, обладающие ценностью для души, могут возвращаться к жизни. И еще, исходные материалы всех сказок, которые когда-нибудь существовали на земле, имели источником чьи-то обретенные в этой непостижимой стране души переживания и чьи-то попытки высказать то, что происходило с ними здесь.

У этого места между мирами есть много имен. Юнг называет его по-разному: коллективным бессознательным, объективной психикой или психонидным бессознательным, имея в виду наиболее непостижимый слой коллективного бессознательного. Это последнее он считал местом, где берут начало биологический и психологический миры, где биология и психология могут сливаться и влиять друг на друга. В памяти человечества это место — называем ли мы его Нод, домом Призрачных Существ или трещиной между мирами — есть место, где происходят всевозможные таинственные встречи, чудеса, игры воображения, приливы вдохновения и случаи исцеления.

Хотя это место дарует огромное душевное богатство, приближаться к нему следует подготовленным, ибо у человека может возникнуть искушение блаженно потонуть в его восторгах. По сравнению с ним обыденная реальность может показаться пресной. В этом смысле более глубокие слои психики могут стать восторгом-ловушкой, из которой люди выходят неустойчивыми, полными шатких теорий и туманных представлений. Так не должно быть. Возвращаться нужно полностью промытым или выкупанным в живительных и воодушевляющих водах, которые оставляют на нашем теле аромат сакрального.

Каждая женщина имеет потенциальный доступ к *Rio Abajo Rio*, реке под рекой. Ее приводит к этой реке глубокая медитация, танец, писательство, молитва, пение, игра на барабанах, активное воображение или любая другая деятельность, требующая сильно измененных состояний сознания. В этот мир меж мирами женщину приводит тоска и поиски чего-то такого, что она может увидеть только краешком глаза. Ее приводит туда глубоко творческая деятельность, намеренное одиночество, занятие любым видом искусства. И даже при наличии этих хорошо освоенных практик многое из того, что происходит в этом непостижимом мире, навеки остается для нас тайной, потому что нарушает все известные нам законы физики и рационального мышления.

О том, как осторожно следует подходить к этому состоянию души, повествует короткая, но очень выразительная сказка о четырех равнинах, которые возмечтали узреть священное колесо Иезекииля.

Четыре равнина

Однажды ночью четверем раввинам явился ангел. Он разбудил их и перенес к седьмому своду Седьмого Неба. Там они узрели священное колесо Иезекииля.

Узрев такое великолепие, один из раввинов на обратном пути из *Pardes*, Рая, на Землю обезумел и до конца жизни блуждал, бессмысленно лепеча. Второй раввин цинично заявил: «Колесо Иезекииля мне просто приснилось, вот и все. На самом деле ничего не случилось». Третий раввин впал в полную одержимость и болтал как заведенный о том, что

увидел. Он говорил без умолку, как это все устроено и что это все значит, — так он сбился с пути истинного и предал свою веру. Четвертый раввин был поэтом. Он взял в руки лист бумаги и свирель, сел у окна и стал писать песню за песней, в которых восхвалял вечернюю голубку, ее дочь в колыбели и все звезды в небе. И зажил лучше, чем прежде⁵.

Мы не знаем, что увидел каждый из них на седьмом своде Седьмого Неба. Но мы знаем, что соприкосновение с миром, где обитает Сущность, позволяет постичь нечто недоступное обычному людскому слуху, нечто наполняющее нас чувством простора и великолепия. Когда мы соприкасаемся с подлинной основой Той, Что Знает, это помогает нам отвечать и действовать исходя из нашей сокровенной целостной природы.

Эта сказка дает совет: наилучший подход, позволяющий пережить глубинное бессознательное, — восхищаться им не слишком сильно, но и не слишком слабо, не слишком благоговеть, но и не быть слишком циничным, быть отважным, но не до безразудства.

В своей известной монографии «Трансцендентальная функция»⁶ Юнг предостерегает: в поисках Высшего «Я» одни склонны излишне эстетизировать переживание Бога или «Я», другие недооценивать его, а те, кто к нему не готов, могут получить душевную травму. Но есть и такие, кто находит путь к тому, что Юнг называет «нравственным долгом» пережить и выразить узнанное при подъеме или спуске к первозданному «Я».

Нравственный долг, о котором он говорит, означает необходимость переживать то, что мы воспринимаем, где бы оно ни встретилось: на Елисейских полях души, на островах мертвых, в усеянной костями пустыне души, на горной круче, на морском утесе или в роскоши подземного мира — в любом месте, где *La Que Sabe* дохнет на нас и таким образом нас изменит. Наше дело — показать, что на нас дохнули: продемонстрировать это, отдать, спеть, прожить в верхнем мире то, что получили во внезапном прозрении от тела, от всевозможных снов и странствий.

La Loba перекликается с теми мифами народов мира, в которых мертвцов возвращают к жизни. В египетских мифах Исида оказывает эту услугу своему умершему брату Осирису, чье тело каждую ночь расчленяет на части злой брат Сет. Каждую ночь Исида трудится с вечерних сумерек до рассвета, чтобы к утру собрать по частям тело брата, иначе Солнце не взойдет. Христос воскресил Лазаря, который так давно умер, что уже «смердел». Деметра раз в год вызывает из Края Мертвых свою изможденную дочь Персефону. А *La Loba* поет над костями.

Такова наша женская практика медитации — вызывать мертвые и расчлененные части самих себя, вызывать мертвые и расчлененные аспекты самой жизни. Та, кто воссоздает из того, что умерло, — всегда двойной архетип. Мать Творения — всегда еще и Мать-Смерть, и наоборот. Из-за этой двойной

природы или двойной задачи нам предстоит великий труд — понять, что вокруг нас, подле нас и в нас самих должно жить и что должно умереть. Наше дело — определить срок того и другого; позволить умереть тому, что должно умереть, и позволить жить тому, что должно жить.

Для женщин *El Rio Abajo Rio* — мир реки под рекой, родина Костяной Женщины — содержит прямое знание о побегах, корневище и зерне мира. В Мексике говорят, что женщина несет *la luz de la vida*, свет жизни. Этот свет находится не в сердце женщины и не в ее глазах, а *en los ovarios*, в ее яичниках, где все семена были заложены еще до того, как она родилась. (У мужчин, если углубляться в идеи плодородия и природу семени, этому образу соответствующим образом соответствует *los cojones*, мошонка.)

Вот знание, которое предстоит обрести, находясь рядом с Дикой Женщиной. Когда *La Loba* поет, она поет, опираясь на знание, идущее из *los ovarios*, из глубины тела, глубины ума, глубины души. Символы семени и кости очень схожи. Если есть корневище, основа, начало, если есть зерно, можно восстановить любую разруху, вновь засеять потраву, дать отдых полям, замочить твердое семя, чтобы оно размякло, помочь ему лопнуть и прорасти.

Иметь семя — значит иметь ключ к жизни. Быть заодно с циклами семени — значит танцевать с жизнью, танцевать со смертью, танцуя, снова вернуться к жизни. Именно это воплощает Мать — Жизнь и Смерть в своей самой древней и самой главной ипостаси. Поскольку она сама вращается в этих постоянных циклах, я зову ее Мать Жизнь-Смерть-Жизнь.

Если что-то потеряно, нужно обратиться к ней, поговорить с ней и выслушать ее. Ее душевный совет порой бывает грубым или трудно осуществимым, но всегда преображающим и возрождающим. Поэтому, что-то потеряв, нужно пойти к старухе, которая всегда живет в недрах таза. Она живет именно там, наполовину внутри, наполовину снаружи созидającego огня. Для женщин это прекрасное место, чтобы жить — совсем рядом с плодородными *huevos*, яичниками, женскими семенами. Там идеи, самые крошечные и самые большие, ждут, когда наш ум и наши действия помогут им проявиться.

Представьте себе эту старую женщину как старуху-сущность, которой два миллиона лет⁷. Это изначальная Дикая Женщина, живущая под землей и одновременно на ее поверхности. Она живет в нас и через нас, и мы окружены ею. Пустыням, лесам и земле под нашими домами два с лишним миллиона лет.

Меня всегда поражает то, как женщины любят копаться в земле. Они сажают луковицы весенних цветов. Они погружают испачканные пальцы в жирную землю, пересаживая остро пахнущую помидорную рассаду. Мне кажется, они пытаются докопаться до старухи, которой два миллиона лет. Они ищут ее ноги и руки. Они хотят подарить ее себе, поскольку с ней ощущают целостность и умиротворенность.

Без нее они чувствуют беспокойство. Большинство женщин, с которыми я работала на протяжении многих лет, начинали свой первый сеанс психоанализа с вариантов фразы: «Я чувствую себя не то чтобы плохо, но и не хорошо». На мой взгляд, такое состояние — загадка несложная. Мы знаем, что

оно происходит от недостатка земли. А лекарство? *La Loba*. Найдите женщину, которой два миллиона лет. Она опекунша мертвого и умирающего женского. Она дорога между живыми и мертвыми. Она поет гимны творения над костями.

Эта старая женщина, Дикая Женщина — *La voz mitologica*. Она — голос мифа, который знает прошлое и нашу древнюю историю и хранит ее летопись в сказках. Иногда она приходит к нам во сне как бесплотный, но чарующий голос.

В ипостаси девушки-старухи она показывает нам, что значит быть не состарившимся, а умудренным. Дети рождаются умудренными инстинктом. Они нутром знают, что правильно и что с этим делать. Это врожденное знание. Если женщина хранит этот дар — в юности быть старой, а в старости юной, — она всегда будет знать, что произойдет дальше. Если же она его потеряла, его можно вернуть, прибегнув к осознанному душевному труду.

La Loba, старуха в пустыне — собирательница костей. В символике архетипа она — кости, знак неразрушимой силы. Их нелегко уничтожить. Такое уж у них строение — их трудно сжечь, почти невозможно стереть в порошок. В мифе и сказке они символизируют неразрушимую душу-дух. Мы знаем, что душу-дух можно повредить, даже искалечить, но почти невозможно убить.

Душу можно смять и согнуть. Можно покрыть ранами и шрамами. Можно оставить на ней метки болезни и ожоги страха. Но она не умирает, потому что в подземном мире ее охраняет *La Loba*. Она искательница и хранитель костей.

Кости достаточно тяжелы, чтобы ими можно было наносить удары, достаточно остры, чтобы проткнуть плоть, а старые кости, если их тронешь, звякают, как стекло. Кости живых обладают собственной жизнью и созидательной силой, они постоянно обновляются. У живой кости поразительно мягкая «кожа». Она способна восстанавливать себя. Даже превратившись в сухую кость, она дает приют крошечным живым тварям.

В этой сказке волчи кости олицетворяют неразрушимый аспект дикой Самости, инстинктивную природу, существо, преданное свободе и неиспорченности, которое никогда не примет строгостей и требований мертвой или излишне цивилизующей культуры.

Использованные в этой сказке метафоры олицетворяют весь процесс, приводящий женщину к ее полным инстинктивным диким чувствам. У нас внутри живет старуха, собирающая кости. У нас внутри кости души дикой Самости. У нас внутри возможность снова облечься в плоть и стать тем существом, которым мы некогда были. У нас внутри кости-ключи к тому, чтобы изменить себя и свой мир. У нас внутри дыхание, наши истины и наши стремления, и, вместе взятые, они образуют песнь, гимн творения, который мы так страстно желаем спеть.

Это не значит, что мы должны ходить, занавесив глаза волосами, или превратить ногти в когти с черной каймой. Да, мы остаемся людьми, но и у женщины внутри тоже есть инстинктивная, звериная Самость. Это не какой-то карикатурный романтический образ. У нее настоящие зубы, настоящий

оскал, беспредельное великодушие, бесподобный слух, острые клыки, щедрые и мохнатые груди.

Этому «Я» необходима свобода двигаться, говорить, свобода гневаться и творить. Это «Я» надежно, жизнеспособно и обладает острой интуицией. Это «Я», которое разбирается в духовных делах жизни и смерти.

Сегодня живущая у вас внутри старуха собирает кости. Что она воссоздаст? Она — «Я» души, созидательница дома души. *Ella lo hace a mano*, своими руками она делает и переделывает дом. Что она делает для вас?

Даже в лучшем из миров душа должна время от времени подновляться. Это как глинобитные домишки здесь, на Юго-Западе, — что-то облупилось, что-то отвалилось, что-то смылось. Всегда увидишь кругленькую старушку в шлепанцах, которая заглаживает глинобитные стены. Замесит глину с водой, добавит соломы, налепит на стены — и они опять как новенькие. Не будь ее, дом потерял бы форму. Не будь ее, после ливня он превратился бы в кучу глины.

Она — хранительница души. Без нее мы теряем форму. Если у человека нет с ней прямой связи, его называют бездушным, или пропащей душой. Она придает форму дому души и лепит руками новое пространство. На ней старый передник, а подол платья спереди длиннее, чем сзади. Она подмазывает, похлопывает, приглаживает. Она лепит душу, растит волчицу, оберегает все дикое.

Поэтому я говорю вам любовно и образно: кем бы вы ни были — черной волчицей, северной серой, южной рыжей или арктической белой, — вы инстинктивное существо-сущность. Хотя кто-то может искренне предпочитать, чтобы вы вели себя прилично, а не прыгали до потолка от радости и не кидались на людей в знак приветствия, поступайте, как вам хочется. Кто-то отшатнется от вас в страхе или негодовании. Но ваш возлюбленный оценит это ваше новое качество, если, конечно, он подходит вам в качестве такового.

Некоторым не понравится, если вы будете обнюхивать каждый предмет, чтобы понять, что он собой представляет. И, Бога ради, не вздумайте валяться на спине, задрав ноги. Гадкая девочка! Гадкая волчица! Гадкая собака! Верно? Не верно. Вперед! Наслаждайтесь жизнью!

Люди занимаются медитацией, чтобы обрести душевное равновесие. Вот почему они обращаются к психотерапевтам и психоаналитикам. Вот почему они исследуют свои сны и занимаются художественным творчеством. Вот почему они раскладывают карты Таро, гадают по книге «И Цзин», танцуют, играют на барабанах и на сцене, ищут ответа в поэзии и возносят молитвы. Вот почему мы делаем все то, что делаем. Делая все это, мы собираем все кости вместе. А потом нужно сесть у огня и подумать, какую песню спеть над костями, какой гимн созидания, какой гимн воссоздания. И те истины, которые мы выскажем, составят эту песню.

Есть хорошие вопросы, которые следует задать, пока не выберешь песню, свою истинную песню. Что случилось с голосом моей души? Что такое погребенные кости моей жизни? Какие у меня отношения с инстинктивным «Я»?

Когда я в последний раз бегала на воле? Что сделать, чтобы жизнь снова ожила? Куда ушла *La Loba*?

Старуха поет над костями, и, пока она поет, кости обрастают плотью. Изливая душу над собранными костями, мы тоже «воплощаемся». Изливая свою тоску и сердечный надрыв над костями того, чем мы были когда-то в молодости, того, что мы знали когда-то, много веков назад, и воскрешения, которое мы ощущаем в будущем, мы стоим на четвереньках, на всех четырех лапах. Изливая душу, мы возрождаемся. Мы уже не слабая женщина, не хрупкое, разваливающееся создание. Нет, мы на стадии «становления», на стадии преобразования.

Как и высохшие кости, мы очень часто начинаем свой путь в пустыне. Мы ощущаем себя бесправными, чужими, не связанными даже с зарослями кактусов. Древние называли пустыню местом божественного откровения. Но для женщин она таит в себе нечто гораздо большее.

Пустыня — место, где жизнь очень насыщена. Корни всего живого тянутся к последней капле воды, а цветок накапливает влагу только потому, что появляется рано утром и поздно вечером. Жизнь в пустыне скудная, но яркая, и большинство из того, что случается, происходит под землей. И это напоминает жизнь многих женщин.

В пустыне нет буйства леса или джунглей. Жизнь ее обитателей очень напряжена и загадочна. Многие из нас живут такой жизнью: крошечной на поверхности и огромной под землей. *La Loba* показывает нам драгоценности, которые можно получить от такого распределения души.

Женскую душу может привести в пустыню какой-то отклик, прошлые жестокости или отсутствие жизненного пространства над землей. Как часто женщина чувствует, что живет в пустынном месте, где есть, быть может, всего один кактус с единственным ярко-алым цветком — и больше ничего на тысячу километров вокруг. Но для женщины, которая пройдет тысяча и одну милю, есть кое-что еще. В невзрачной лачуге — нерушимая твердыня. Старуха. Она ждет вас.

Есть женщины, которые не хотят попасть в пустыню души. Им ненавистна ее скудность, ее пустота. Они все стараются завести ржавый драндулет и выбраться на дорогу к выдуманному сияющему граду души. Но их ждет разочарование, потому что ни буйства, ни дикости там не найдешь. Они в мире духа, в мире между мирами, в *Rio Abajo Rio*, реке под рекой.

Не валяйте дурака. Вернитесь, встаньте под тем единственным красным цветком и ступайте прямо вперед, пройдите последний трудный километр. Подойдите к старой разошедшейся двери и постучите. Заползите в пещеру. Влезьте в окно сновидения. Просейте пустыню и посмотрите, что останется. Это единственный труд, который мы *должны* исполнить.

Вам нужен совет психоаналитика?

Ступайте собирать кости.